

Munich Personal RePEc Archive

Transformational Crisis and the Economic Development of Serbia

Bukvić, Rajko

Geographical Institute SASA

2011

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/120969/>
MPRA Paper No. 120969, posted 29 May 2024 19:46 UTC

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕРБИИ

Райко Буквич

Мегатренд университет, Новый Белград, Республика Сербия, bukvicrajko@gmail.com

Аннотация:

- Трансформационный кризис представляется результатом активного применения неоклассической модели трансформации, и для выхода из него требуется серьезный пересмотр теоретических основ развития.
- Реализация реформ, провозглашенных в Вашингтонском консенсусе (конец 1980-х годов) и развитых на его основе, не принесла ожидаемых результатов.
- Новая стратегия развития Сербии, как и других стран с переходной экономикой, должна включать идеи альтернативной экономической теории, которая восходит к концепции «Другого канона».

Ключевые слова: трансформационный кризис, стандартная теория, концепция «Другого канона», Вашингтонский консенсус, План Моргентау, План Маршалла

Глубина и продолжительность кризиса трансформирующихся экономик застали врасплох экономистов — сторонников господствующей сегодня неоклассической экономической теории, и потому корень всех бед усмотрели в ошибочной реализации основных постулатов трансформационного процесса.

Например, Я. Корнаи [1, р. 39–63] рассматривает следующие общие причины, вследствие которых «все посткоммунистические страны пребывают в глубокой рецессии»:

сдвиг от рынка покупателя к рынку продавца,
трансформация реальной структуры экономики;
нарушения в координационном механизме,
макроэкономические последствия ухудшения финансовой дисциплины;
устарелость финансовой системы.

Но, он всё-таки не осветил причины столь глубокого и, как оказалось, столь долговременного кризиса.

В то же время меньшинство экономистов, и что важнее — опыт стран убеждают в том, что трансформационный кризис есть результат активного применения неоклассической модели трансформации и что для выхода из него требуются серьезный пересмотр теоретических основ трансформационного процесса и поиск новых путей развития.

Рассмотрим результаты трансформационного процесса в Сербии и покажем необходимость реиндустриализации ее экономики. Трансформацию экономики Сербии автор исследовал в ряде работ [2, 3, 4].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА

Мейнстрим экономической науки основан на идее «природной гармонии», которую создаёт рыночный механизм и при которой государство, якобы, должно сидеть сложа

руки, ибо любое его усилие наивно и тщетно¹. «Природная гармония», или мир, в котором нет никаких системных эффектов, мир Самуэльсонского выравнивания факторских цен, способны, якобы, сделать все факторские доходы во всём мире равными – стоит только «установить правильные цены» и «обеспечить равные условия для всех». Доминирование неоклассической экономической теории явилось решающим фактором в определении трансформационной стратегии, были заблокированы дебаты о цели, методе и идеологии, которые определяют процесс трансформации.

«Рекомендуемые меры», известные как рецепты Вашингтонского консенсуса, в силу их географической и исторической специфики первоначально были предназначены для решения проблем, связанных с хронической задолженностью стран Латинской Америки. Но их поспешили принять к исполнению и бывшие социалистические страны, равно как и страны субсахарской Африки. Рекомендации Консенсуса уже трактовались как общепринятое знание о политике развития и роста.

Реформаторы, как и их консультанты, подчеркивали, что этот переход приведет к временному кризису, но очень скоро экономика начнет выздоравливать, ибо новая структура собственности обеспечит сначала быстрое торможение падения, а затем ускоренный рост и приближение к западным странам. Утверждалось, что суровая финансовая дисциплина и приватизация, при дерегуляции и либерализации, достаточны для того, чтобы устранить стагнацию и инициировать экономический рост. Конкретные условия каждой отдельно взятой страны не принимались во внимание.

Дебаты о трансформации ограничивались слишком медленной скоростью реформ. Спорным был лишь вопрос о том, следует ли немедленно либерализовать, стабилизировать и приватизировать экономику трансформирующихся стран (что потребовало бы так называемую шоковую терапию) или лучше применить не столь радикальную градуалистическую неоклассическую политику. Однако во всех странах по существу применялась комбинация шоковой терапии и градуалистической стратегии. В Сербии наблюдалась та же картина, хотя процесс трансформации имел больше специфических черт, что было следствием известных событий 1990-х годов.

Первоначальные политические и экономические принципы Вашингтонского консенсуса преобладали недолго. Появились новые проблемы и отцы-основатели Консенсуса вынуждены были искать ответы на новые вызовы. Эти ответы часто (но не всегда) дополняли оригинальные рекомендации Консенсуса. Новые цели, более сложные и трудноосуществимые, постоянно выдвигались на первый план, поэтому новый список мер естественным образом ограничивал реформаторский процесс.

Дж. Вильямсон подчеркивал уникальность рекомендаций 1989 г. [6, 7], а критики Консенсуса отмечали, что в его стратегии отсутствуют некоторые важные моменты, как, например, общественное равенство и институциональное развитие.² Этот неоспоримый факт осознавал и Вильямсон, который позднее дополнил программу, назвав её Поствашигтонский консенсус (*After the Washington Consensus*) [9].

Ясно, что в подходах к подобным проблемам не может (и не должно) царить согласие, но всё же обескураживает, как много наших экономистов без оговорок поддержали эту политику. По нашему мнению, некритичное отношение к принципам Вашингтонского консенсуса не может свидетельствовать в их пользу – они должны быть

¹ Аргументы в пользу этой точки зрения, изложенные в [5], делятся на три категории: а) извращение, б) тщетность и в) угроза.

² Неудачу Консенсуса в понимании ключевой роли институтов в экономическом развитии и первым отметил Н. Мойзес в 1995 г. По его словам, политические меры, вытекающие из Консенсуса, должны пониматься только как «первый шаг» или «первая генерация» реформ [8].

рассмотрены каждый в отдельности и притом в контексте конкретной экономики и реального времени. Мы не можем просто утверждать «Консенсус хорош» или «Консенсус плох», а должны серьезно рассмотреть каждую из рекомендаций Дж. Вильямсона и международных финансовых организаций применительно к условиям конкретной страны.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ СЕРБИИ

При определенных различиях во времени все трансформирующиеся страны радикально освободили основные цены, либерализовали внешнюю торговлю, резко сократили субвенции, девальвировали свою валюту и объявили о её конвертируемости, ввели рестриктивную кредитную политику, открыли границы для притока иностранного капитала и приватизировали львиную долю государственных (общественных) предприятий. В стремлении сделать реформы необратимыми это делалось преимущественно с применением шоковой терапии (все, сразу, одновременно). Предполагалось, что формирующиеся рыночные институты позволят осуществить «спонтанный марш-бросок в капитализм», что даст возможность преодолеть кратковременный трансформационный кризис и спонтанно приведет к обновлению производства и экономическому росту.

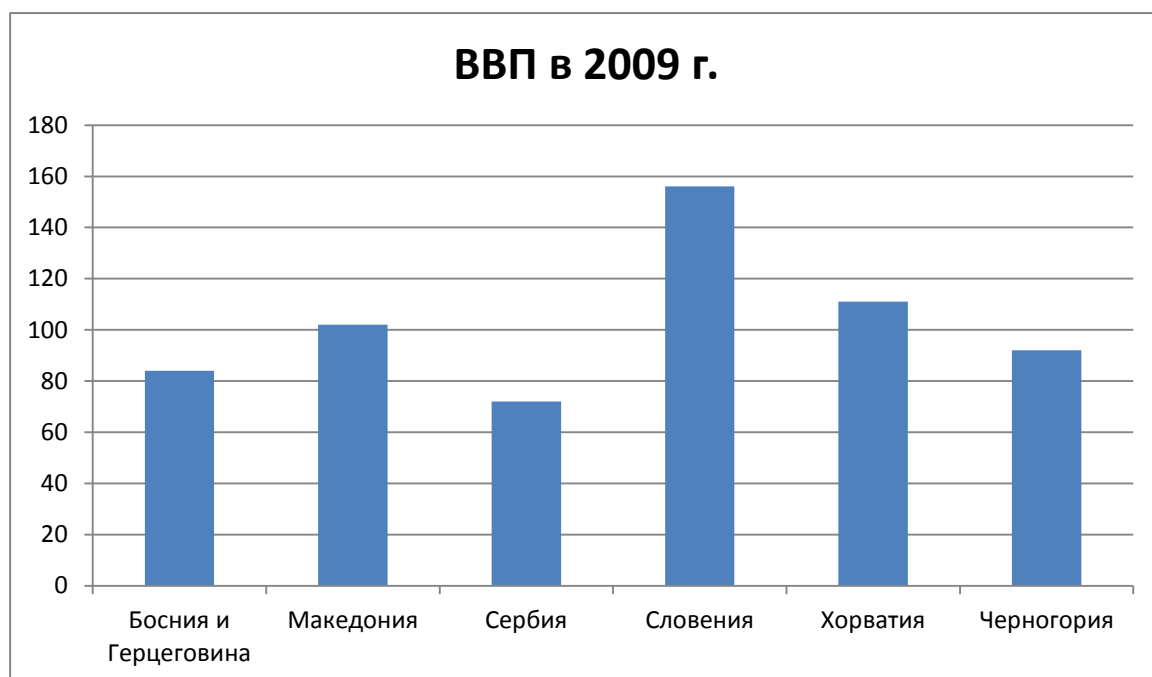

Рис. 1. Индексы ВВП бывших югославских республик в 2009 г. (1989=100)

Источник: Данные национальных статистик за 2009 г.

Реализация реформ, провозглашённых в Вашингтонском консенсусе и развитых на его основе, не принесла ожидаемых результатов. Вместо обещанного процветания, если таковое вообще было целью перемен, в большинстве стран с переходной экономикой отмечено большое и длительное падение внутреннего валового продукта, промышленного производства и жизненных стандартов населения, нередко более серьезное, чем в годы Второй мировой войны, что особенно заметно на примере России. Не стала исключением

и Сербия, также как и остальные республики бывшей СФРЮ (рис. 1).

Даже Словения, которая в этом процессе стоит особняком, поскольку отказывалась применять рекомендации Вашингтонского консенсуса, с годовым приростом ВВП около 2% не имеет особых оснований для положительных оценок. ВВП Сербии в 2009 г. отстает от уровня 1989 г. почти на 30 % (что не так далеко от соответствующих показателей для Украины и Молдавии: 40–50%).

Официальная статистическая методология в Сербии тем временем изменилась, так что корректная временная серия ВВП (или ранее получаемого общественного материального продукта) нам не доступна. Поэтому на рис. 2 показаны две группы данных: общественный (материальный) продукт (за период 1989–2004) и валовой внутренний продукт (за период 1997–2009). Обе группы, как и другие приводимые данные, не включают показателей Автономного края Косово и Метохии.

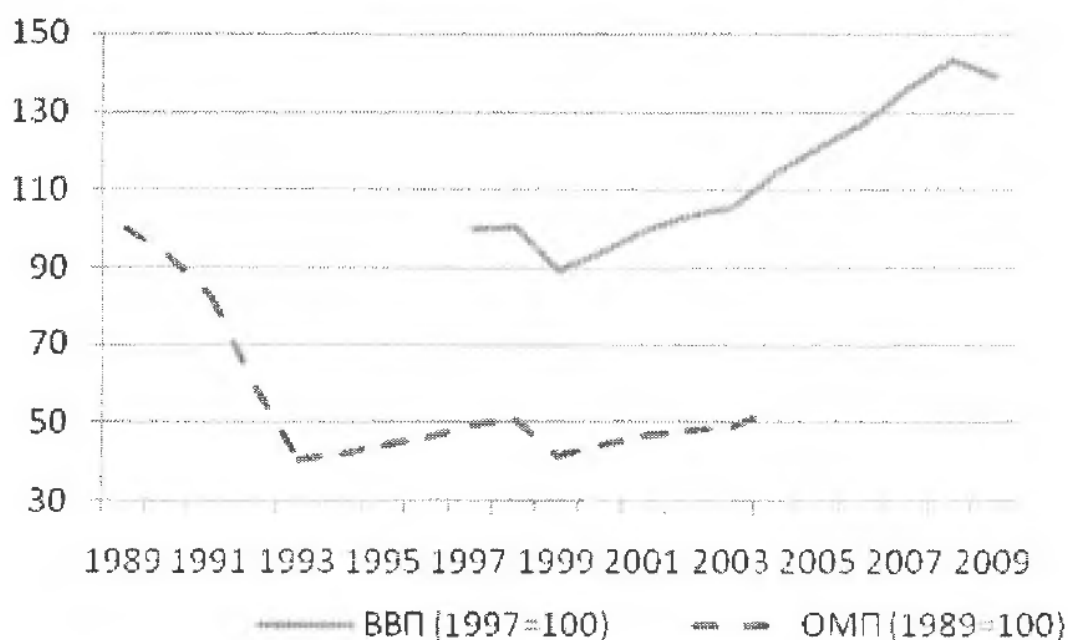

Рис. 2. Валовой внутренний и общественный продукт Сербии
Источник: Данные государственной статистики Сербии

При этом наибольший ущерб, и не только в Сербии, понесла промышленность. Промышленное производство в Сербии в 2009 г. находилось на уровне 39% от показателей 1989 г. (рис. 3).

Многие отрасли резко сократили производство, а некоторые секторы практически прекратили существование. Поскольку именно промышленность выступает носителем технического прогресса, двигателем экономического роста и создателем синергетических эффектов в экономике, эта картина её «развития» в прошедшие два десятилетия даёт достаточные основания к тому, чтобы и весь период оценить крайне негативно.

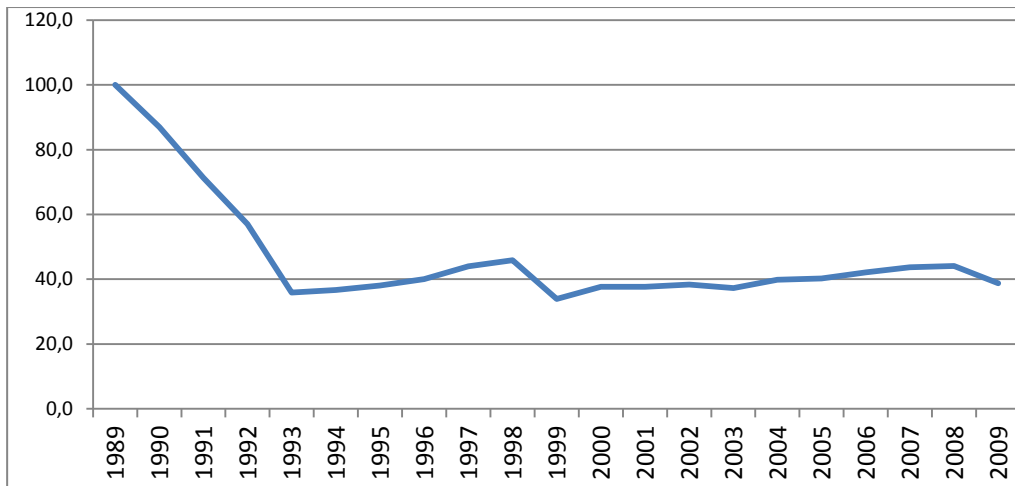

Рис. 3. Объем промышленного производства в Сербии (1989 г. = 100)
 Источник: Расчёты автора по данным государственной статистики Сербии

В большинстве трансформирующихся стран экономический кризис сопровождался и другими негативными последствиями, например глубоким демографическим спадом. Глубину демографического кризиса, вероятно, лучше всего иллюстрирует рис. 4, на котором кривые динамики рождений и смертей пересеклись.

Трансформация также обернулась огромными социальными бедствиями, выразившимися в росте бедности, падении занятости и скачке безработицы, усилении социального неравенства, ухудшении качества общественных услуг и поляризации доступа к ним, криминале, всплеске коррупции, а также в вооруженных конфликтах.

Рис. 4. Естественное движение населения Сербии 1950-2009

Важной характеристикой трансформационного кризиса является большая внешняя задолженность (рис. 5).

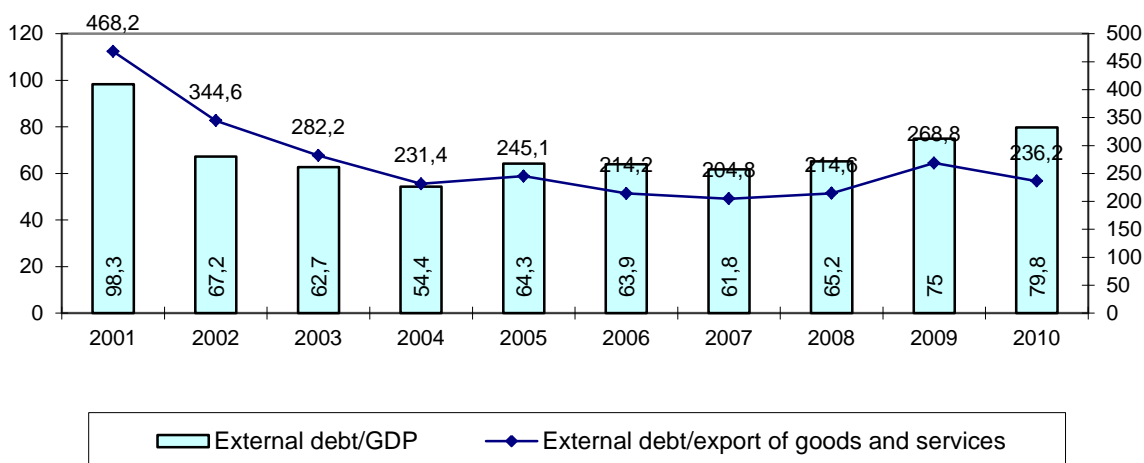

Рис. 5. Показатели внешней задолженности Сербии в 2001–2010 гг.³, %
 Источник: Данные Народного банка Сербии

Как видно из рис. 5, Сербия по показателю «Внешний долг / ВВП» относится к группе средних стран-должников, хотя постепенно и приближается к странам с высокой задолженностью. Другой показатель («Внешний долг / экспорт товаров и услуг») свидетельствует о том, что Сербия относится к странам с высокой задолженностью, исключая 2006–2008 гг.

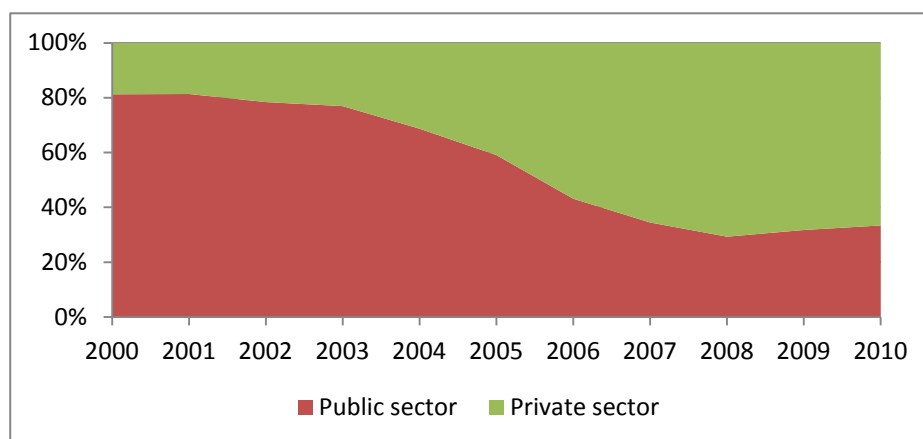

Рис. 6. Структура внешнего долга Сербии в 2000–2010 гг.
 Источник: Данные Народного банка Сербии

По критериям Мирового Банка задолженность характеризуется следующими цифрами.

Внешний долг / ВВП:

> 80% – высокая;

48% – 80% – средняя;

< 48% – низкая.

Внешний долг / экспорт товаров и услуг:

> 220% – высокая;

³ В сентябре 2010 г. была изменена методология внешнего долга, так что данные за 2010 г. для индикатора «Внешний долг/экспорт товаров и услуг» за 2010 г. не сопоставимы с предыдущими годами.

132% – 220% – средняя;
< 132% – низкая.

Структура внешнего долга Сербии в 2000–2010 гг. представлена на рис. 6.

Вместе с тем следует отметить, что приток денежных средств в Сербию в течение нескольких последних лет составляет около 5,5 млрд долл. США в год, или 34 млрд долл. за период 2003–2009 гг. (рис. 7).

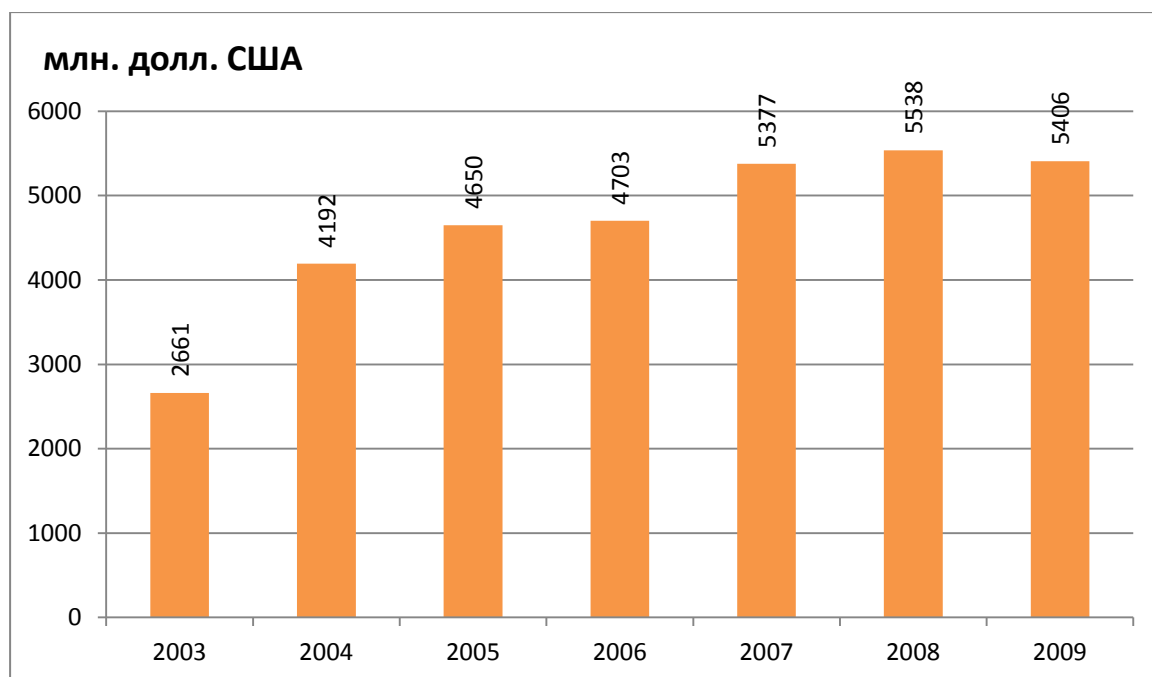

Рис. 7. Денежные переводы из-за рубежа в Сербию
Источник: Данные Мирового банка

Если же учесть все источники поступлений (приватизация, прямые иностранные инвестиции, денежные переводы из-за рубежа) то, по различным сведениям, объем денежных вливаний оценивается суммой от 30 до 70 млрд долл., причём только за последнее десятилетие. Но этот огромный денежный поток был направлен в основном на потребление, конечно, покрываемое из импорта, а не на развитие производства и преобразование отставшей инфраструктуры.

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ: ПЛАН МОРГЕНТАУ ИЛИ ПЛАН МАРШАЛЛА?

Тяжесть последствий и длительность трансформационного кризиса, считает Я. Корнай, свидетельствуют о необходимости определить по-новому само понятие «трансформационный кризис». Инициаторы и адепты реформ, между тем, словно не желают увидеть реальные результаты преобразований, или прибегают к испытанным маневрам, чтобы избежать и разговора о них. Основные постулаты реформ и избранной стратегии по-прежнему не ставятся под сомнение; отсутствие же обещанных результатов объясняется отсутствием реформ, непоследовательностью в их проведении или же ограничениями политической системы. Таким образом, фактически блокируется обсуждение причин кризиса и возможных путей выхода из него. Но это не снимает вопроса о том, отчего разразился столь

глубокий и длительный кризис и каковы его причины?

Обсуждение необходимо, но чтобы оно было плодотворным, придется подвергнуть критике не только Вашингтонский консенсус, но и ту теоретическую основу, на которой он был выстроен и на которой так уверенно держится уже более двух десятилетий вопреки очевидному факту, что многие страны в результате реализации его рецептов впали в глубокий кризис и неудержимо сползли в бедность и безысходность. При этом не нужно поддаваться обману, полагая, что сама генеральная линия в полном порядке и лишь некоторые политические нюансы или особые меры требуют корректировки.

Доминировавшие здравицы в честь «свободного рынка» дали повод охарактеризовать Консенсус как неолиберальную программу (манифест). Сжатый анализ соотношения Вашингтонского консенсуса и неолиберализма в нашей литературе дан в [10]. Там указывается, что Вашингтонский консенсус являет собой утонченный вариант неолиберализма, основой которого служит неоклассическая экономическая теория. Предпосылки этой теории — главная причина неспособности понять причины трансформационного кризиса.

Разумеется, нужно иметь в виду и то обстоятельство, что «реформы были неравномерными и остались незавершенными», как в своем докладе подчеркнул МВФ. С этим нельзя не согласиться, хотя вывод, который из этого следует, сомнителен: «По мнению авторов доклада, проблема заключается не в подходе к реформам, а в том, что реформы не были достаточно глубокими и всеохватывающими»⁴. Отсюда и следующая простая рекомендация: осуществите ещё больше тех же самых реформ, и сделайте все, как положено. Однако специалистам в ходе реализации Консенсуса стало очевидно следующее: стандартная политика реформ не создает длительных эффектов при недостаточных институциональных условиях, правильные меры должны быть поддержаны сильными институтами. В результате оригинальный Вашингтонский консенсус дополнен длинным списком так называемых реформ второго поколения, которые носят прежде всего институциональный характер.

Возможны различные варианты выхода из трансформационного кризиса. Обратимся к поучительному историческому примеру. Речь идёт о возрождении Германии после Второй мировой войны. 16 сентября 1944 г. на встрече в Квебеке (Канада), опасаясь, что Германия может начать новую войну, союзники приняли план, предусматривающий её деиндустриализацию и превращение в сельскохозяйственную колонию. Всё производственное оборудование подлежало ликвидации, рудники предлагалось наполнить водой и цементом. Германию следовало превратить в страну мелких фермеров. Вначале рассматривались три варианта деиндустриализации:

ликвидировать всю тяжелую и легкую индустрию и превратить Германию в сельскохозяйственную страну;

ликвидировать всю тяжелую индустрию, но оставить Германии легкую индустрию и сельское хозяйство;

ликвидировать только часть тяжелой индустрии, оставив Германии её остаток, а также легкую индустрию и сельское хозяйство. В конце концов возобладало среднее решение.

В конце концов предпочтение было отдано среднему решению.

Предполагалось, что такая Германия проникнется миролюбием, благодаря близкому контакту с землёй, который якобы приведёт к моральной регенерации германского населения. Союзникам останется его «приручить» и подвергнуть

⁴ Цит. по [11, p. 977].

пацификации, что будто бы и есть лучший способ избежать третьей мировой войны⁵. Автором указанного плана был Генри Моргентау, министр финансов США с 1934 по 1945 г. Но уже в 1946–1947 гг. стало ясно, что его применение создаёт большие экономические проблемы. Продуктивность немецкого сельского хозяйства резко упала, что отчасти стало результатом возвращения на село многих из тех, кто потерял работу в промышленности. Бывший президент США Герберт Гувер получил задание от действующего президента Трумэна посетить Германию с группой экономистов и сельскохозяйственных экспертов для последующего доклада Вашингтону о природе и причинах возникших проблем. Особенно интересен третий по счёту доклад Гувера, в котором он коснулся пяти иллюзий о послевоенном развитии Германии и в качестве первой недвусмысленно подчеркнул следующее: «Иллюзия думать, что Новая Германия после аннексии может свестись к «сельскохозяйственной державе». Этого нельзя сделать, если мы не истребим (exterminate) или не выселим неизвестно куда 25 миллионов человек». Тем самым был идентифицирован истинный корень проблемы. Сообщения Гувера были основаны на скрупулёзных исследованиях, которые подтвердили вывод старой меркантилистской теории населения: «Индустриальная страна может накормить и обеспечить всем необходимым гораздо более многочисленное население, чем это могла бы сделать сельскохозяйственная страна, расположенная в том же месте»⁶.

Менее чем через три месяца план Моргентау был предан забвению. Вместо него на вооружение взят план Маршалла, который преследовал совершенно противоположную цель – реиндустриализацию Германии и ряда других западно-европейских стран. План Маршалла официально вступил в силу в июне 1947 г., и его обоснование полностью совпадает с теоретическими построениями итальянского меркантилиста Антонио Сера (начало XVII века), согласно которому добыча сырья и промышленное производство подчиняются различным законам [14].

Такие представления имели вес вплоть до послевоенного времени как аргумент в пользу того, что сырьевым странам необходим индустриальный сектор. Сегодняшний «мейнстрим» экономической науки предал забвению подобный подход, а посредством своих институтов (во главе с МВФ) даже напрямую запрещает бедным странам развивать индустрию, понуждая их вместе с тем к «равноправному» соревнованию с индустриально-развитыми странами, которые в целях развития своей промышленности проводили прямо противоположную политику.

Как нам представляется, для возрождения Сербии должны применяться меры, способствующие национальному экономическому развитию, которые использовались успешными странами и позднее попали под запрет Мирового банка и МВФ [12, р. 44–46]. Речь идёт о таких мерах, как:

сознательная государственная политика, отстаивающая и защищающая национальных производителей и направленная на рост производственной активности и механизацию производства;

индустриализация/реиндустриализации повышающая добавленную стоимость, увеличивающая занятость и оплату труда, уменьшающая дефицит платёжного баланса;

создание временной монополии с помощью патентов и таможенной защиты;

стимулирование усилий, способствующих разнообразию и разделению труда, что создает синергетические эффекты;

⁵ Схожесть плана Моргентау и Вашингтонского консенсуса автор впервые отметил в [2].

⁶ Цит. по: [12, р. 100].

привлечение компетентных специалистов из-за границы (что важнее привлечения капитала);

налоговые льготы для той экономической деятельности, которую желательно развивать;

дешёвые кредиты для такой деятельности;

поддержка экспорта в интересах данной деятельности;

всемерная помощь сельскому хозяйству, хотя мы должны чётко осознавать, что эта отрасль сама по себе не в состоянии вывести страну из кризиса;

чёткий акцент в государственной политике на развитие образования и приобретение знаний; патентная защита новых изобретений;

экспортные пошлины и ограничение вывоза сырья с тем, чтобы иностранная индустрия почувствовала ощутимое удорожание сырья.

Страны с переходной экономикой должны начать поиск (и это делается) новых путей развития и возрождения своей экономики. Сербия здесь не одинока. В основе стратегий развития лежат положения новой альтернативной экономической теории («Другого канона»):

обучение и принятие решений в условиях неопределенности; следует говорить о динамической оптимизации в условиях нестабильности;

инновации, человеческая воля и ум, предпринимательство являются движущими силами экономики;

концентрация внимания на человеке – новаторе и производителе, на позитивных изменениях;

возрастающая отдача и рост разнообразия, как ключевой фактор экономического развития; конкуренция, движимая инновациями и знаниями, как основа прогресса;

учёт того, что разные виды экономической деятельности имеют разный потенциал для применения новых знаний;

производство знаний и технологий, которое должны стимулировать законы, институты и государственная политика;

принцип, согласно которому к накоплениям приводит прибыль, но сами по себе накопления не способствуют росту.

В заключение отметим следующее.

Новая стратегия развития Сербии, как и других стран с переходной экономикой, должна включать идеи альтернативной экономической теории, которая восходит к концепции «Другого канона». На этой основе страны подобного типа смогут осуществить реиндустриализацию, которая необходима для возрождения их экономики и преодоления длительного кризиса.

Сегодня мировые процессы гораздо более взаимозависимы, чем когда-либо в истории, и далеко не все страны, в особенности такие небольшие, как Сербия, имеют возможность проводить свою собственную политику. Мощь финансового капитала сегодня гораздо выше, чем когда-либо ранее, а сам капитал срастается с государственной политической властью (прежде всего в США) и с крупными корпорациями, создав триаду (Уолл-стрит + Министерство финансов США + Международный валютный фонд), названную олигархической [13, стр. 8], которая получила фактическую политическую и экономическую власть над всем миром.

О новой модели развития, основанной на возрождении индустрии, у нас говорится достаточно долго, но большой вопрос, имеют ли такие разговоры хотя бы минимальные основания или же это просто политический маркетинг для домашнего употребления. Другими словами, вопрос в том, не исчезла ли воля, и сохранились ли возможности

вести автономную политику. Сегодня такой воли почти не видно, а «мейнстрим» экономической науки не видит и потребности в ней.

Если всё же на поставленные вопросы будут даны положительные ответы, то, отринув предрассудки, нужно будет приступить к разработке стратегии экономического развития Сербии, положив в её основу многолетний опыт успешных экономик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kornai, Janos. Transformational Recession: The Main Causes // *Journal of Comparative Economics*. – 1994. – Vol. 19. – № 1, pp. 39–63.
2. Bukvić, Rajko. Morgentauov plan i Vašingtonski konsenzus: ima li razvojnog izlaza za zemlje u tranziciji, *Zbornik Kriza i razvoj*. – Beograd: Institut društvenih nauka. 2010, pp. 328–334.
3. Bukvić, Rajko. The Other Canon against Washington Consensus: Re-Industrialization as a Condition for Economic Revival and Development, 8th International Scientific Conference Forces Driving the Revival of the Companies and Economy, Proceedings. – Beograd: Megatrend University, 2010, pp. 267–276.
4. Bukvić, Rajko. Foundation, Results and Perspectives of Transition: A Case of Serbia // *Економика*. – 2010. – Vol. 56. – № 4. – pp. 10–26.
5. Hirschman, Albert. *The Rhetoric of Reaction. Perversity, Futility, Jeopardy*. – Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press. 1991.
6. Williamson, John. What Washington Means by Policy Reform, in J. Williamson (ed.) *Latin American Readjustment: How Much Has Happened*, Washington: Institute for International Economics. 1990. (www.iie.com/publications/papers/papercfm?ResearchID=486.)
7. Williamson, John. From Reform Agenda to Damaged Brand Name // *Finance & Development*. – 2003. – Vol. 40. – № 3, 10–13.
8. Moisés, Naím. Washington Consensus of Washington Confusion? // *Foreign Policy*. – 2000. – № 118, pp. 87–103.
9. Williamson, John. After the Washington Consensus: Latin American Growth and Sustainable Development, Keynote speech at the Seminar on Latin American Financing and the Role of Development Banks Organized by the IDB, BDMG, and ALIDE, Belo Horizonte, Brazil, March 30–31, 2006.
10. Катић, Небојша. Неолиберални корени светске економске кризе // *Нова српска политичка мисао*. – 2009. – Vol. 17. – № 3–4, pp. 55–66.
11. Rodrik, Dani. Goodbye Washington Consensus, Hello Washington Confusion. A Review of the World Bank's Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform // *Journal of Economic Literature*. – 2006. – Vol. 44. – № 4, pp. 973–987.
12. Reinert, Erik S. *Globalna ekonomija. Kako su bogati postali bogati i zašto siromašni postaju siromašniji*. – Beograd: Čigoja štampa, 2006.
13. Ковалик, Тадеуш. У истоков современного финансового кризиса // *Белорусский экономический журнал*. – 2009. – Vol. 13. – № 1(46), pp. 4–12.
14. Serra, Antonio. *Kratka rasprava o uzrocima koji mogu izazvati obilje zlata i srebra u kraljevinama u kojima nema rudnika s primjenom na kraljevinu Napulj / S. Štampar (ur.) Ekonomisti XVII i XVIII stoljeća*. – Zagreb: Kultura, 1952, pp. 111–188.

TRANSFORMATIONAL CRISIS AND THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF SERBIA

Rajko Bukvić

Megatrend univerzitet, Novi Beograd, Republika Srbija, bukvicrajko@gmail.com

English.

- The transformation crisis seems to be the result of the active application of the neoclassical model of transformation, and to get out of it, a serious revision of the theoretical foundations of development is required.
- The implementation of the reforms proclaimed in the Washington Consensus (late 1980s) and developed on its basis did not bring the expected results.
- The new development strategy for Serbia, like other countries with economies in transition, should include the ideas of an alternative economic theory, which goes back to the concept of the “Other Canon”.

KeyWords. transformation crisis, standard theory, concept of the “Other Canon”, Washington Consensus, Morgenthau Plan, Marshall Plan